

КИТАЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ КИТАЙЦЕВ В ЦАРСКОЙ РОССИИ

Краткий очерк

Александр Иванович ПЕТРОВ,
кандидат исторических наук

Отечественные историки при изучении проблем истории китайцев в царской России не оставляли без внимания, как их интерпретировали китайские коллеги. Основы историографических исследований по этой теме были заложены Ф.В. Соловьевым¹. В своем известном труде по китайским отходникам он отмечал: «В китайской историографии, насколько нам известно, нет работ, специально посвященных рассматриваемой теме. Однако гоминьдановские авторы, а также историки КНР в 60—70-е годы пытались использовать факт пребывания китайцев во второй половине XIX — первых десятилетиях XX в. на русском Дальнем Востоке... для обоснования территориальных притязаний к Советскому Союзу»². А.Г. Ларин, широко используя различные материалы на китайском языке, ограничился лишь кратким замечанием об «известном внимании» ученых КНР к истории китайцев в России, исходивших из концепций «российского советского экспансионизма», «утраты китайских территорий» по «неравноправным договорам» и грядущего освоения «великой северной целины»³. О.А. Трофимовым дан краткий анализ работ китайских авторов с весьма условной классификацией по рассматриваемым в них проблемам⁴. Е.И. Нестерова считает, что в «зарубежной историографии китайской диаспоры на русском Дальнем Востоке» нет «ни одного исследования... поднявшегося до уровня монографического обобщения»⁵.

В данной статье предпринята попытка рассмотреть в хронологической последовательности основные труды китайских авторов по проблемам истории китайцев в царской России. Зарождение китайской историографии по истории китайцев в царской России относится к началу XVII в., когда, как казалось бы, такой проблематики вообще не существовало. В то время между Россией и Китаем в мирном русле осуществлялись интенсивные контакты. В 1712—1714 гг. маньчжурский сановник Туличэнь (1667—1740) совершил путешествие в пределы Российской империи, по итогам которого написал «И юй лу» («Записки о чужих землях»). В них автор воспроизвел свои впечатления о русских городах и их обитателях⁶. Несомненно, в записках есть немало образцов поведения самого сановника и членов его экспедиции.

Вместе с подписанием в 1727 г. Кяхтинского договора и открытием кяхтинской торговли началось более или менее регулярное посещение китайцами русской территории, как, впрочем, и русскими — китайской. Из работ, написанных

в период расцвета этой торговли, можно назвать записки Сун Юня, который в конце XVIII — начале XIX в. занимал первые должности в Монголии, Джунгарии, Тибете, Маньчжурии и был министром в Пекине. В.П. Васильев поражен его «придворной ловкости обращать все в пользу своего правительства». Известно, что кяхтинская торговля часто закрывалась по инициативе китайской стороны. В этой связи можно выделить проблему личной безопасности торговцев, проблему поимки и наказания преступников и некоторые другие. Сун не оставил их без внимания. Так, он подробно описал ограбление в 1784 г. ургинского купца Цзинь Мина подвластными России бурятами. Преступники были схвачены и препровождены в Кяхту для дознания. По правилам торговли, пишет Сун, следовало не только взыскать с них штраф в десятикратном размере, но и «в присутствии всех» казнить. Однако русские власти по уплате штрафа считали, что дело окончено и, наказав преступников плетьюми, а также заклеив им уши и носы, сослали в безлюдное место. Письменные запросы китайской стороны действия на кяхтинские власти не возымели. Но Екатерина II по докладу приказала «...сменить губернатора и прочих, и наказать их примерно». В объяснении своем китайцам Сенат продолжал «лабиринговать», вследствие чего «...Лифань-Юань получил приказание написать строгие укоризны и вслед за тем прекратить кяхтинскую торговлю». Сун Юнь также рассказал о посещении Кяхты для переговоров с иркутским губернатором Л. Нагелем, в результате которых 8 (19) февраля 1792 г. было подписано соглашение о порядке русско-китайской торговли на данном участке границы⁷.

Прошло еще более полувека, прежде чем на проблему пребывания китайцев в России было обращено внимание опять же крупного чиновника Цао Тинцзе, служившего в администрации Маньчжурии. К этому времени названная проблема уже стояла довольно остро как для российского, так и китайского правительств. Цао издал несколько трудов, в том числе «Сиболия дун пянь цзи яо» («Записки о восточной части Сибири»), в которых привел большое количество ценных сведений. Так, согласно его подсчетам, в 1885 г. в Хабаровке, Хунтуяне, Никольском, Владивостоке и на р. Яньчухэ действовало более 300 крупных и мелких китайских лавок, магазинов и оптовых складов. Товар доставлялся из Саньсина по Сунгари и далее на северо-восток вплоть до устья р. Амура. Другой путь доставки товара шел на юг по р. Уссури до р. Мулинхэ. Более 200 торговцев имели свои фанзы. Деятельность более тысячи торговцев носила сезонный характер: весной они отправлялись для меновой и обычной торговли, а осенью возвращались в Китай⁸. Таким образом, для китайских авторов XIX и предшествующих веков при написании работ по проблемам жизнедеятельности китайцев в России источниковой базой в основном служили собственные наблюдения, впечатления и статистические подсчеты.

Не вызывает сомнений, что после Цао Тинцзе к проблеме китайцев в России в той или иной мере обращались многие китайские авторы, но их работы нам недоступны. Поэтому обратимся сразу к китайской историографии периода КНР. Как известно, через 10 лет после ее образования советско-китайские отношения стали быстро ухудшаться. Историческая наука молодой республики, не успев окрепнуть, была ввергнута в развернувшиеся идеологические кампании. Именно в годы «большого скачка» и «культурной революции» сформировалась общая концепция китайских обществоведов по истории китайско-российских отношений. Она состояла в том, что царская Россия навязала цинскому правительству Айгунский, Пекинский и последующие договоры, по которым Китай утратил значительную часть своей территории. Исходя из этих установок, авто-

рами статей и книг осуществлялся тенденциозный подбор фактов и материалов, а Россию и ее правительство представляли крайне неблагоприятно.

В 1974 г. в первом номере журнала «Исторические исследования» было опубликовано сразу три статьи: «Производители путаной лжи: О насущных проблемах китайско-советской границы» Ши Юйсина, «Осваивающие новые земли» или вторгнувшиеся в Китай разбойники?» Тянь Цисяна и Тянь Жукана и «Зримые доказательства истории: Расшифровка надписей на памятниках нурганской кумирни Юннинсы» Чжун Миньяня⁹. Названия статей достаточно красноречивы, и тон их легко предугадать. Например, Ши Юйсина, обосновывая тезис о неправомерности вышеназванных договоров, ссылался даже на советские «Дипломатические словари» издания 1950 г. (под ред. Вышинского) и 1960—1964 гг. (под ред. Громыко), в которых, по его мнению, авторы признали, что и «китайско-российский» Пекинский договор был подписан «...при давлении на Китай вследствие войны Англии и Франции с Китаем»¹⁰.

Изучив соответствующие статьи в названных словарях, мы, однако, не нашли прямых указаний на то, что их авторы рассматривали Пекинский договор между Россией и Китаем как неправомерный. Правда, в первом из них говорится: «Лишь после заявления Игнатьева, угрожавшего немедленным возвращением англо-французских войск и посланников в Пекин, П.[екинский] д.[оговор] был подписан, причем Гун объявил, что подписывает договор «в знак благодарности за оказанные благодеяния»¹¹. Здесь, на наш взгляд, налицо неудачная редакция текста, так как, насколько нам известно, русский дипломат вовсе не собирался «приглашать» войска англичан и французов, а лишь констатировал большую вероятность продолжения боевых действий в случае его отказа от посредничества между воюющими сторонами. Во втором словаре о Пекинском договоре говорится буквально следующее: «Р.[усско]-к.[итайский] (пекинский) трактат 1860 — подписан 14.XI. Подтверждал и развивал *Айгунский договор 1858* и Тяньцзиньский договор 1858» и далее о содержании трактата¹².

Незадолго до начала первого раунда советско-китайских пограничных переговоров (1976—1977) в Шанхае была издана коллективная монография под названием «История агрессии царской России в Китае». Российская империя, в этой книге, предстает в качестве алчного агрессора, действующего путем обмана и насилия, в то время как цинский Китай — в качестве жертвы. Проблемам пребывания китайцев в России отведено достаточно много места. Говоря о событиях, связанных с «боксерским восстанием» и началом боевых действий повстанцев на Амуре в районе Благовещенска, историки Фуданьского университета утверждают, что «русская полиция и войска» участвовали в расправах над китайцами, «...живущими в Иркутске, Нерчинске, Хабаровске, Владивостоке, на Сахалине и вообще на северном берегу Амура и восточном берегу Уссури»¹³. Отчасти они правы, так как факты неправомерных действий отдельных представителей местных властей и населения по отношению к китайцам имели место. Но благодаря введению военного положения ситуацию довольно быстро удалось взять под контроль и китайцам была обеспечена безопасность. Что касается «благовещенской трагедии» 1900 г., т.е. насильственной переправы китайцев на правый берег Амура без обеспечения их плавучими средствами, то это, действительно, была трагедия, разыгравшаяся в связи со стечением зловещих обстоятельств.

В этой связи хотелось бы упомянуть об аудиенции директора Восточного института А.М. Позднеева, «полученной им у царя» летом 1901 г., во время

которой обсуждались и события годичной давности на Амуре. Николай II, отметив, что он вполне понимает китайцев, спросил профессора: «Во всем этом деле для меня одно не вполне ясно, это — благовещенская история, что вы скажете мне о наших поступках?». В ответ Позднеев сказал следующее: «Сколько мне известно, местное русское начальство приняло в этом деле все меры гуманности, какие только можно было изыскать, при условии незначительности наших военных сил. Китайцев нельзя было оставить на левом берегу Амура, так как значительная часть их была в заговоре, и они, естественно, симпатизировали своим соотечественникам. Перевозить их на лодках было невозможно за недостатком судов; отправить на пароходе было нельзя, потому что китайцы могли легко овладеть им. Оставалось единственное средство для переправы — направить их вброд, а что избранное для брода место было вполне подходяще, за это ручаются те многие сотни, которые действительно переправились на другой берег. Не наша вина, если сами китайцы начали стрелять в своих же переправлявшихся и породили в них панику, повлекшую за собою несчастье, которого совершенно не было возможности предвидеть»¹⁴. Российская историография, признавая трагичность событий 1900 г., отмечает, что отдельных эпизодов насилия можно было бы избежать при ответственной организации оборонных мероприятий.

Авторы «Истории агрессии царской России в Китае», цитируя российских политиков, обществоведов и газетчиков, нередко выставляли частные мнения о политике или о том, какой она должна быть по отношению к Китаю и китайским иммигрантам. Такой подход искажал суть проводимых царским правительством внешнеполитических мероприятий. Поэтому ссылка, например, на доклад туркестанского генерал-губернатора А.Н. Куропаткина, содержащий экспансионистские предложения, выглядит совершенно неубедительной¹⁵. Следует вспомнить, что Николай II в 1897 г. говорил о том, что «России вполне достаточно той территории, которой она владеет, и он не намерен приобретать больше»¹⁶. Этому принципу последний русский монарх не изменял. В 1976 г. в Гирине вышла книга под названием «Компилятивная история агрессии царской России в Китае», которая в интерпретации событий, связанных с пребыванием китайцев в России, также концептуально мало чем отличалась от шанхайского издания¹⁷.

Если в «История агрессии царской России в Китае» судьбе «зазейских маньчжуров» уделено не так много места, то вышедшая в 1977 г. в Пекине в серийном издании по историческим знаниям книга под названием «История крови и огня. Бесчинства царской России при занятии наших 64 восточноречных деревень» посвящена полностью этой проблеме. Исследование снабжено многочисленными (до шести на одной странице) ссылками на сборники документов и другие публикации, а также поднимает такие проблемы, как история названных деревень от их возникновения до бегства жителей в пределы Китая в 1900 г., «сопротивление» жителей в период присоединения этих земель к России, и др. В книге приведено немало фактов, представляющих определенный интерес, например о «деле Сучжун'а», распахавшем целинный участок, вокруг которого возник спор, о правомерности прохождения телеграфной линии по территории маньчжурских деревень и т.д. Авторы приводят сведения о виноделии и виноторговле маньчжуров, о реакции на эту деятельность русских властей, что свидетельствует о тесных торговых связях между жителями «зазейского клина» и русскими. Книга снабжена сюжетными рисунками (например, «Народ 64 деревень с возмущением уничтожает телеграфные столбы агрессоров царской

России»), свидетельствующими о том, что издание несло большую пропагандистскую нагрузку¹⁸.

Зимой 1977—1978 гг. в Китае впервые после начала «культурной революции» прошли вступительные экзамены в вузы. Праздник долгожданной «весны науки» пришелся на 1 марта 1978 г., когда начался учебный год. В марте 1979 г. Дэн Сяопин, выступая на одном из совещаний КПК, заявил: «Исследования по политологии, юриспруденции, социологии и мировой политике мы долгое время игнорировали, сейчас надо ускоренными темпами наверстывать упущенное»¹⁹. С этого времени развитие исторической науки постепенно приобретает стабильный характер. От историков больше не требуется безоговорочно приспосабливаться к текущим политическим событиям, исторически обосновывая их «закономерности». Стало выходить много работ, посвященных истории России и китайско-российских отношений, которые постепенно закладывали хорошую основу для исследований в области истории китайцев в Российской империи²⁰. В то же время началось издание многочисленных сборников документов, которые облегчали историкам поиски необходимых материалов для своих исследований²¹.

Что касается истории китайцев в России, то по-прежнему авторы уделяют много внимания развитию маньчжурских поселений на северном берегу Амура. Так, в статье «До и после захвата царской Россией 64 поселков Цзяндуна. Опрос 73 стариков» приведено много сведений о тесной связи «зазейских маньчжуров» с Маньчжурией (большое количество продуктов и товаров приобреталось их жителями в Айгуни), а также подтверждается тот факт, что провинция Шаньдун была лидером по «поставке» китайцев в Россию²².

Статья Лю Цзялэя «Бесчинства царской России по преследованию китайцев во Владивостоке в XX в.» (1980) в основном посвящена разграблению и сожжению китайских лавок и магазинов во время революции 1905 г. во Владивостоке, а также проблеме выплаты китайцам компенсации. Согласно данным Лю ущерб, нанесенный китайцам, достигал 2 642 454 руб. В статье говорится о «десяти крупных обвинениях», обобщенных Би Гуйфаном, выдвинутых против царского правительства в связи с притеснениями «владивостокских китайцев»²³.

О так называемой «желтугинской республике» пишет Ли Цзикуй в статье «Борьба Китая по изгнанию с Мохэ бандитов царской России, занимающихся добычей золота». «Золотокопателей» в «республике», по данным автора, насчитывалось 15 тыс. чел., из которых около 9 тыс. русские, а остальные, в основном китайцы и отчасти корейцы, немцы, американцы и евреи. Золотодобыча на китайской территории была организована «при подстрекательстве... официальных кругов царской России». При разгроме «республики» в 1886 г. китайские войска расправлялись с особой жестокостью с китайцами: застигнутые обезглавливались на месте. Как явствует из контекста, это делалось и для устрашения русских, которые, «...считая, что и за ними пришла смерть, молились богу и клялись, что больше никогда сюда не придут». Автор делает вывод о важном значении разгрома желтугинских золотых промыслов для сохранения суверенитета Китая над своими территориями²⁴.

В коллективном труде «Царская Россия и Северо-Восток» (1985), написанном под редакцией Тун Дуна, много места уделено китайцам в России. В отдельный параграф, например, выделена так называемая «маньчжурская война» 1868 г., имевшая место в Уссурийском крае. Отряд вооруженных китайцев во главе с Цянь Цзяном и др., спровоцировавшими войну, фигурирует под термином

«повстанческая армия золотодобытчиков острова Циндао», т.е. Аскольда. Руководители «армии» планировали сжечь Владивосток, как, впрочем, и Новгородский и Находкинский посты²⁵. Разгром преступников и восстановление порядка в книге представлены как бесчинства русских властей. Численность китайцев в Уссурийском крае накануне «маньзовской войны», по мнению авторов, достигала «нескольких десятков тысяч»²⁶.

Говоря о проблеме китайцев в России в связи с обострением русско-китайских отношений в начале 1880-х годов, вызванным кульджийским кризисом, авторы «Царской России и Северо-Востока» свидетельствуют, что китайцы Уссурийского края не оставались в стороне от этих событий. В этом особенно преуспел Лю Гуй, который, узнав, что У Дачэн укрепляет границы по периметру Нингута-Хуньчунь, собрал от 5 до 6 тыс. китайцев, готовых в случае войны выступить на стороне цинских войск. Называются также имена «предателей», т.е. китайцев, лояльно относившихся к русской администрации. По проблеме принятия китайцами в Уссурийском крае русского подданства авторы «Царской России и Северо-Востока» утверждают, что местные власти якобы «загоняли» их в подданство России, а те наотрез отказывались. И далее: «В 1888 г. большая партия китайских крестьян, торговцев, портных, плотников и др., живших вблизи Никольского, протестуя против насильно введенного «подушного налога», выступила с оружием в руках, разгромив при этом много русских деревень вблизи Никольского». В книге отмечается, что китайцы «отказывались изучать русский язык, носить русскую одежду» и т.д.²⁷ Это делать их никто не просил и не заставлял, хотя согласно нашим данным китайцы весьма охотно учили русский язык. По месту выхода китайских иммигрантов авторы книги выделили четыре группы, которые соразмерно численности располагались в следующем порядке: шаньдунская или восточная («дунбан»), гуандунская («гуанбан»), северная («бэйбан») и южная («наньбан»). Во Владивостоке, например, в 1908 г. из 40 тыс. китайцев примерно 30 тыс. были шаньдунцами²⁸.

В 1986 г. вышла статья Цюй Цунгуя об известном чиновнике Ли Цзиньюне, который в конце 1880 г. прибыл в Хуньчунь, чтобы, с одной стороны, вести переговоры с русскими пограничными властями, а с другой — руководить колонизацией приграничных с Россией земель. Поднимая проблему выселения нескольких десятков китайцев с обрабатываемых ими земель на р. Шитоухэ, автор пишет, что Ли протестовал против этого²⁹.

Подготовленная учеными Харбина «Хроника крупных событий в истории нового времени провинции Хэйлунцзян. 1840—1949 гг.» представляет большой интерес. Ими проделана большая работа по установлению точной датировки огромного количества фактов и событий, в том числе и в китайско-русских отношениях. Много сведений приведено и по теме нашего исследования. Так, отмечено, что в 1916 г. «Россия в Мукдене, Харбине и других местах учредила специальные агентства по найму китайских рабочих», которые вывозились в Россию для пополнения рынка труда в связи с мобилизацией русских рабочих на войну³⁰.

Проблеме взаимодействия и взаимовлияния русской и китайской культур посвящена статья Ван Эньвэя о заимствованиях в китайском языке, пришедших из русского языка. Не вызывает сомнений, что многие русские слова были заимствованы в результате длительного пребывания в пределах Российского государства китайских иммигрантов. Особенно это касается слов обиходного языка. Автор тем не менее не посчитал нужным выделить китайскую трудовую эмиграцию

в Россию в качестве особого пути, по которому шло проникновение русских слов в китайскую лексику. Правда, он остановился на контактах приграничного населения двух соседних государств, что в общем вполне восполняет данный пробел. Всего в работе выделяется четыре типа языковых заимствований³¹.

Ли Юнчан в книге «Китайские рабочие в России и Октябрьская революция» немало места уделил традиционной политике изоляционизма в начальный период правления династии Цин: «Лодкам ни на цунь не разрешалось выходить в море», а прибрежное население даже «отселялось от моря». Переходя к изложению результатов своих исследований по истории китайской эмиграции в Россию, он приводит много интересных фактов. Китайцы Уссурийского края называли себя «лесными людьми», «копателями», а в обиходе просто «бегунами» и «промышляющими в горных ущельях». В 1870 г. из Шаньдуна во Владивосток отправились 150 чел., а впоследствии каждый год провинция «выбрасывала» на русский Дальний Восток наемных рабочих тысячами. Например, весной 1907 г. через Вэйхай и Циндао во Владивосток было вывезено более 1000 китайцев, а через Чифу — примерно 60—70 тыс. В книге также затронута проблема смешанных браков, за ростом которых пристально следило цинское правительство. По сведениям российского консульства в Цицикаре (Пукуй), в отношении от 27 апреля 1908 г. за № 386 требовалось «чтобы айгунский фудутун составил списки всех китайских подданных, которые были женаты на русских женщинах», причем им было приказано объявить, чтобы женщины эти строго подчинялись китайским законам, в противном случае предписывалось «выселять их в русские владения». Особенно печальными были для русских женщин браки с китайцами, которых сами же китайцы называли «международными бродягами»³².

Автор показал широкое распространение китайцев по России в годы первой мировой войны. Они наводняли в том числе и Петроград, где становились чернорабочими, дворниками, прачками и т.д., занимались на самые различные предприятия. При этом автор нередко называет конкретные имена. Так, на одном из столичных судостроительных заводов работали Лю Фучэнь, Ма Чжава и другие китайцы³³. Есть основания считать, что численность китайцев в Петрограде накануне Октября 1917 г. составляла примерно 10 тыс. чел. Только «Союз китайских граждан в России» трудоустроил более 1000 китайцев, около 1000 чел. в сентябре были отправлены на родину. Кроме того, Комитет самоуправления Петрограда совместно с названным Союзом открыл специально для китайцев ночлежный дом, в котором размещалось около 1000 чел.³⁴ По данным автора, в период первой мировой войны в Англию было вывезено 50 тыс. китайских рабочих, во Францию — примерно 200 тыс.³⁵

В Москве, как и в Петербурге, китайцы появились задолго до первой мировой войны, еще до начала которой Москва превратилась, по выражению Ли Юнчана, в «накопительно-распределительную базу» китайских товаров (не обязательно только китайского производства). Накануне Октября 1917 г., по мнению автора, в Москве проживало свыше 5 тыс. китайцев³⁶. В годы первой мировой войны районы расселения китайцев в России неизмеримо расширились. «В Белоруссии, на Украине, Кавказе, Кубани и в других местах везде можно было встретить группы бездомных китайцев»³⁷. Важной сферой использования труда китайских рабочих были горнорудные прииски и заводы, особенно это характерно для уральских предприятий. Автор отмечает, что в полосе Пермь—Вятка не было ни одного завода, ни одного прииска, где бы не работали китайцы тысячами³⁸.

Согласно данным автора наём китайских рабочих в Маньчжурии производился в основном через китайских подрядчиков. Помимо купца Дризина, который занял в этом бизнесе лидирующее положение, им занимались Семенов, Захарченко, Поносов и др. Командированный для расследования злоупотреблений в деле вывоза кули из Фэньтянской провинции уполномоченный МИДа Ма Тинлян подчеркивал, что не все наниматели имели от китайских властей патенты на ведение такой деятельности, некоторые контракты не регистрировались, были случаи, когда русские в деле найма кули вступали в сговор с японцами, хозяйничавшими в пределах Южно-Маньчжурской железной дороги, а «китайцы незаконно примешивались» к ним: «В 1916 г., вследствие сговора русских и японцев, масштабы вывоза кули в Россию обманным путем, а также способы вывоза, в истории вывоза китайских рабочих за границу носили беспрецедентный характер»³⁹. Официальные наниматели в текстах договоров о найме не скрывали, для работы на каких объектах нанимались рабочие, что в общем-то было правильным, так как благодаря этому в известность ставились китайские власти⁴⁰.

Ли Юнчан уделил много внимания персоналиям. Написал он и о Сунь Цзиу (1876—1924)⁴¹. Некоторые революционеры китайского происхождения женились на русских женщинах во время гражданской войны. Так, командир китайского батальона Константин Бао Цисань (Пау Ти-сан) женился на русской девушке Евгении Макаровне Балаевой, и у них вскоре родилась дочь Элеонора⁴².

Другим известным китайцем в России был Лю Цзюньчжоу (Лао Джон-джау). Не менее знаменит его сын Лю Цзэжун (второе имя Лю Шаочжоу), который в 1914 г. окончил Петербургский университет, а в 1916 г. поступил в Петроградский политехнический университет. В 1917 г. он женился на Людмиле Николаевне Залого. Когда китайский посланник Лю Цзинжэнь с миссией покинул Россию, вместо себя он оставил именно Лю Цзэжуна⁴³. Весьма ценные сведения приведены о Союзе китайских граждан в России (далее СКГР). Предыстория его создания тесно связана с именем Лю Цзэжуна. К действиям на поприще оказания помощи своим соотечественникам его побудила публикация в газете, в которой рассказывалось «...о большой партии китайцев, обманным путем привезенных в Россию в качестве кули». В статье отмечалось, что хозяин предприятия, на котором этим китайцам пришлось работать, нещадно эксплуатировал и жестоко обращался с ними, превратив их в «желтых рабов», так что многие сбежали от него и бродяжничали.

Приступив к созданию организации по оказанию помощи бедствующим в России соотечественникам, Лю Цзэжун все свои действия согласовывал с руководителем китайского посольства Лю Цзинжэнем. СКГР Лю создавал совместно со студентами Лю Вэнем, Чжан Юнкуем, Чжу Шаояном, Ин Дэшанем, И Личунем, Ли Баотанем и своей младшей сестрой Лю Цзюань. В китайской миссии в апреле 1917 г. состоялось обсуждение деталей создания организации, в котором приняли участие местные китайские купцы. Учредительный съезд открылся 18 апреля. На нем был принят «Устав Союза китайских граждан в России», а также избрано правление в составе 15 чел. во главе с Лю Цзэжуном⁴⁴. Одним из результатов деятельности СКГР стало создание в Петрограде ночлежного дома, который сначала принимал на ночлег 300, а после переезда в другое здание — 1000 китайцев. Все заботы по содержанию дома и питанию китайцев взял на себя комитет самоуправления Петрограда. Кроме того, СКГР до 1 сентября 1917 г. смог отправить на родину около 1000 китайцев⁴⁵.

Нормализация отношений между СССР и КНР во второй половине 1980-х годов благотворным образом отразилась на исследованиях по истории китайцев в России. В 1990 г. вышла статья Ван Шаопина о кяхтинской торговле, который постарался вскрыть закономерности ее развития. Автор показал, что торговля осуществлялась в условиях растущих симпатий китайского и русского народов друг к другу: Маймачен и Кяхта, хотя и располагались по разным сторонам границы, но китайцы, например, переходили ее «...туда и обратно совершенно свободно и не только по делам» торговли. Они часто приходили в гости, когда им хотелось провести время в приятной компании⁴⁶. Таким образом, основы взаимопонимания между двумя народами закладывались в русской Кяхте и китайском Маймачене. В начале XIX в. цинское правительство утвердило правила поведения маймаченских купцов, 5-й пункт которых обязывал их быть «...в отношении русских культурными и вежливыми, приглашать на пиршества» и т.д.

По данным Сюэ Шуцю и Сюэ Юншэна, чьи статьи предваряют материалы сборника по китайцам в России, вышедшего в Хэйхэ, за 1906—1910 гг. на русский Дальний Восток и в Сибирь из Китая выехало до 550 тыс. китайцев. В течение этих же пяти лет на родину возвратилось лишь 400 тыс. чел., в то время как около 150 тыс. чел. оставались в России, представляя собой китайских эмигрантов⁴⁷. Эти авторы также показали, что доля лиц женского пола в общей массе китайских иммигрантов в дореволюционной России была очень незначительной. Из 111 466 китайцев, зарегистрированных на русском Дальнем Востоке в 1910 г., лица женского пола составляли 3,5%, т.е. примерно 3,9 тыс. чел. Постепенно все больше китайцев вступали в брак с русскими женщинами. В Амурской области, по неполным сведениям, предположительно на 1910 г. таких браков было зарегистрировано 32⁴⁸.

Сюэ Юншэн подразделил китайских торговцев в России на три категории: 1) это те, которые вели здесь торговлю постоянно, закупая товары в том числе и в Китае; 2) торговцы, которые имели магазины в Китае, а в России открывали свои филиалы, и 3) торговцы, которые курсировали между городами России и Китая, специализируясь на закупке и продаже в обеих странах тех или иных товаров⁴⁹. По данным Чжан Чжэньбяо, наиболее состоятельные представители Поднебесной возводили в городах свои дома, магазины и различные мастерские. Например, купец Чжан Куйсян, имевший большой магазин «Ишэнгун» в Айгуне, открыл в Благовещенске магазин под названием «Ихэгун»⁵⁰.

В фундаментальном труде по истории китайско-советских торгово-экономических связей, изданном под редакцией Мэн Сяньчжана, первые шесть глав посвящены дооктябрьскому периоду. Китайцам, находившимся в России, авторами уделено немного места. Так, отмечается, что Маймачен представлял собой однополюсный город: среди его жителей совсем не было женщин. Цинское правительство не разрешало купцам и чиновникам «брать с собой семьи и домочадцев». Этим подчеркивалась мысль, что Маймачен создан только для торговли между двумя странами и не более того. Авторы отмечают: «В противоположность такому образу действий цинского правительства, русское правительство энергично поощряло переселение своих подданных в направлении границы».

Из содержания книги следует, что в Синьцзяне и Маймачене в отличие от русского Дальнего Востока шаньдунцев практически не было, а следовательно, они не могли появиться и в областях Туркестанского и Степного генерал-губернаторств, а также в Кяхте. В Синьцзяне, например, крупных землячеств было восемь, в которых представлены торговцы и купцы из провинций Хэбэй,

Хэнань, Шаньси, Шэньси, Ганьсу, Хунань, Хубэй и Сычуань. Но китайцы редко выезжали в пределы Российской империи, так как инициатива была на стороне русских купцов, въезжавших в Синьцзян. Что касается Кяхты, то здесь китайцы были частыми гостями как по делам торговли, так и в качестве гостей. Впрочем, одно другому не мешало, и «...очень много торговых контрактов заключалось во время застолий». Этим еще раз подчеркивается, что кяхтинская торговля носила исключительно добрососедский характер⁵¹.

Чжан Чжицян свою статью «Освоение устья р. Тумэньцзяна провинцией Цзилинь в эпоху Цин» посвятил проблемам пограничной реки для России, Кореи и Китая. По его данным, в 1910 г. уроженец г. Шаосина Чжу Цзян вместе с одним из организаторов знаменитой Всекитайской выставки изделий в Нанкине Юй Хэдэ при поддержке сюньфу провинции Цзилинь Чэнь Чжаочана, а также Министерства почт создал акционерное общество «Цзилинь тучан ханье гуфэнь юсянь гунсы», посредством которого планировал осуществлять пароходное сообщение по названной реке. В Хуньчунь из Шанхая Чжу доставил 200 рабочих «мужчин и женщин». Однако вследствие финансовых затруднений и препятствий, чинимых японскими властями Кореи, компания не смогла реализовывать свои планы. В публикации раскрываются намерения Чжу по аренде на русском берегу небольшого участка земли для перегрузки леса и другие вопросы⁵².

В книге «Краткая история малых народов Хэйлуцзяна», изданной в 1993 г., отмечается, что торговлей крупным рогатым скотом специально для русского населения Амурского и Уссурийского краев в исследуемый период занимались представители национальности хуэй (дунгане), проживавшие в Маньчжурии. Скотоводство среди них было весьма развито, и зажиточные крестьяне имели большие стада, превышавшие 200 голов. «Легко торгуясь с русскими, они имели сравнительно высокую прибыль»⁵³.

Статья Лю Юаньту посвящена обстоятельствам подписания Хабаровского протокола 1886 г., зафиксировавшего установление на русско-китайской границе каменного пограничного столба с литерой «Е». Переводчиком с русской стороны был хабаровский купец Тифонтай. Автор высказал мнение, что взамен установленного ранее деревянного столба изготовлен новый, который появился «...в нескольких десятках ли от устья Усури». В комиссию по проверке границы в китайскую делегацию, возглавлявшуюся командиром полкового отряда знаменного гарнизона г. Фукэцзинь Шунь Линем, входили чиновники Линь Цин, Цин Шань и Тун Цзяосань, ведавшие военно-политическими вопросами. Китайские историки подчеркивают, что Шунь лишь в 1884 г. стал полковым командиром, «...вовсе не уяснил обстановку и первоначальное расположение столба с литерой «Е». Что же касается названных чиновников, то они по сравнению с ним знали о данной проблеме «намного меньше». При таких обстоятельствах, считает Лю, Тифонтай был «...ключевой фигурой, представлявшей цинское правительство». Далее утверждается, что русские подкупили его. Вследствие этого в 1886 г. во время замены столба с литерой «Е» Тифонтай в качестве переводчика «помог русской стороне «доказать», что «деревянный столб, на верхней стороне которого вырезана литера «Е» был найден «...на левом берегу Усури выше станицы Казакевичевой»⁵⁴. Проблемы, затронутые в названной статье, нуждаются в дальнейших исследованиях.

Описанию жизни Тифонтая посвящена статья Дуань Гуанда и Цзи Фэнхуя. Он был выходцем из уезда Хуансянь провинции Шаньдун. В статье подробно описана его встреча с наследником российского престола цесаревичем Никола-

ем, прибывшим во Владивосток для торжественной закладки первого камня в строительство Транссибирской железной дороги⁵⁵.

Чэн Мэйсю написал «Краткий обзор деятельности шаньдунцев в торговле и промышленности Северо-Востока в эпоху Цин». В нем отмечается, что с началом колонизации Маньчжурии шаньдунцы быстро заняли лидирующее положение в среде купечества Харбина, Чанчуня, Хэйхэ, Хуньчуня и других городов Маньчжурии. «Среди различных группировок купцов шаньдунцы («шаньдунбан» — А.П.) были наиболее сильной». На первых порах имея трудности в общении с русскими партнерами, шаньдунцы привлекали к себе на работу в качестве переводчиков китайцев приграничных селений, хорошо говоривших на русском языке. «На стыке границ трех государств Китая, Кореи и России в городе Хуньчуне среди торговцев, кроме шаньдунцев и чжилийцев, представителей других провинций было крайне мало». При этом конкретизируется, что наиболее многочисленными и предприимчивыми неизменно были шаньдунцы из уезда Хуансянь⁵⁶.

Монография Го Вэньшэня «История китайско-русской чайной торговли» освещает взаимодействия русской и китайской культур. В ней отмечается, что россияне до контактов с китайцами почти совсем не знали чая, и в XIX в. были предприняты первые попытки выращивания этой культуры в теплых регионах империи. Однако, как оказалось, теплого климата было недостаточно, чтобы разведение новой культуры стало прибыльным делом. Серьезную помощь в развитии чаеводства оказали китайские специалисты, в первую очередь Лю Цзюньчжоу, Тан Боин и др. В 1896 г. под руководством Лю было возделано 50 га чая. Кроме того, полностью по китайскому образцу построена первая в России небольшая чайная фабрика⁵⁷.

Хуан Динтянь в книге «Исследования по истории экономического и культурного обмена между Россией и Китаем» характеризовал итоги развития дальневосточной окраины России во второй половине XIX в.: «С 60-х по 90-е годы XIX в. население Сибири и Дальнего Востока имело заметный рост. Также по инициативе правительства совершенствовались сельскохозяйственные орудия труда вплоть до того, что использовались молотилки, сортировочные машины, сенокосилки, жатки и другая передовая сельскохозяйственная техника... За 35 лет после начала реформ посевные площади под зерновыми выросли на 30%, а их урожайность — на 59%. С конца второй половины XIX в. зерно, произведенное в Сибири и на Дальнем Востоке, стало поставляться в регионы Европейской России»⁵⁸.

Известный китайский автор исторических романов Лю Банхоу в статье «Деятельность цинского правительства по инспекции границы на левом берегу Амура после 1861 г.» обратился к проблеме «зазейских маньчжуров» в политике китайского правительства. Он считает, что на момент заключения Айгунского договора они в числе 10 646 чел. проживали в 44 деревнях. Эти данные соответствуют российским источникам. Лю привел также сведения о том, что представители цинских властей как минимум три раза в 1871, 1877 и 1879 гг. совершали инспекционные поездки на российскую территорию для обследования положения в маньчжурских поселениях «для защиты «мест проживания китайских жителей и мест их рыбной ловли и охоты». Предупреждали ли они об этом русскую администрацию, в статье ничего не говорится. Лю также сообщает, что в 1880 г. были установлены границы маньчжурских поселений⁵⁹. Из статьи Лю Банхоу явствует, что цинское правительство уделяло много внимания проблемам своих подданных, постоянно проживавших на русском берегу Амура.

Замечательна по богатству и разнообразию материалов книга Су Фэнлиня «Исследование по ранней истории китайско-российских отношений». Для нас особый интерес представляет 8-я глава монографии, посвященная трем случаям закрытия Китаем кяхтинской торговли. Су считает, что причиной закрытия торговли было нарушение царской Россией договоренностей с Китаем. Кроме того, автор уделил немало места проблемам самой торговли. Например, он отметил, что в Кяхте китайские купцы не пользовались переводчиками, а довольно быстро осваивали русский язык: «Хотя произношение было неточным, но русские купцы их понимали»⁶⁰.

Чжан Цзунхай на основе многочисленных источников, в том числе на русском и английском языках, написал интересную книгу «Китайско-российские отношения на Дальнем Востоке на стыке веков». Он отметил, что планы американцев на Амуре и в Сибири в середине XIX в., «обнаруживших» там для себя чуть ли не полную свободу действий, были довольно «скромными» и касались в основном торговли. Автор неоднократно обращается к проблеме численности китайцев в Приамурском крае. Так, он считает, что во Владивостоке в 1879 г. проживало 1198 китайцев, а в 1884 г. уже около 3000. Кроме того, в период с 1870 по 1879 г. в Уссурийский край ежегодно прибывало примерно 407 китайских подданных. В книге обращено внимание на такую проблему, как китайцы и православие, взаимовлияние русской и китайской культур и др. Автор, например, отмечает, что потомки албазинцев, проживавшие в Пекине, внесли заметный вклад в дело культурного обмена между Россией и Китаем. Что касается персоналий, то в книге приведены сведения о том, что Тифонтай вместе с русскими купцами был весьма полезным пионером в деле установления торговых связей Приамурья с Маньчжурией. «Очень успешно» этот китаец вел торговлю в бассейне Сунгари⁶¹. В книге представлено много других фактов и сведений, причем автор доводит повествование до современности, поднимая такие проблемы, как правовое положение китайцев в России, тезис о «желтой опасности» в прошлом и настоящем. По выражению Мэн Сяньчжана, автор сумел показать связь истории с современностью.

Книга Чжан Фэнмина посвящена история экономических связей между Северо-Востоком Китая и Россией (Советским Союзом). Есть в ней сведения, например, о купце Дризине, одном из главных «поставщиков» китайских рабочих в Россию в период первой мировой войны. Исходя из данных Чжана, можно предположить, что Дризин в конце концов решил сосредоточиться на этом бизнесе. 15 февраля 1916 г. харбинская газета «Юань-дун-бао» опубликовала заметку, в которой сообщалось, что компания «Шуанхэшэн гунсы», основанная на китайском капитале, приобрела за 250 тыс. руб. у русского предпринимателя Дризина мукомольный завод⁶². Автор статьи «Китайские рабочие в России и экономическое освоение русского Дальнего Востока» Ван Цзин считает: «Фактически постройка КВЖД превратила Северо-Восток (Китая) в Маньчжурскую область России, ставшей базой снабжения товарами и рабочей силой Амурской и Приморской областей, Забайкалья и даже Европейской России»⁶³.

Свою книгу Вань Шуи посвятил жизнеописанию китайского канцлера Ли Хунчжана. Он также показал роль этого китайского сановника в деле развития золотопромышленности в Маньчжурии, в том числе в разгроме в 1886 г. «желтугинской республики». Исходя из установки «искоренить беспорядки, защитить границу», китайское правительство приказало ему и хэйлунцзянскому цзянцзюню Гун Тану отобрать людей, знакомых с горным делом, и направить их

для контроля над мохэским приисковым районом. В следующем году Ли Хунчжан назначил окружного начальника Ли Цзиньюна генеральным управляющим золотыми промыслами. За исключением наиболее важных дел, при решении которых Ли должен был консультироваться с цзяньцзюнем, все остальные он решал по своему усмотрению. Для разработки приисков правительство выделило кредит в размере 130 000 лянов, причем акционеры смогли собрать до 30 000 лянов. В 1889 г. была официально начата добыча золота, но в следующем году неожиданно Ли Цзиньюн умер. На его место Ли Хунчжан назначил Юань Дахуа. В эксплуатацию на золотых промыслах внедрялись машины, и добыча драгоценного металла увеличивалась, в результате чего в 1894 г. было добыто свыше 28 370 лянов золота (1418,5 кг). Благодаря этому Мохэ превратился в важный пограничный город, вокруг которого «...концентрировались простые люди и военные чины»⁶⁴.

Исследования по истории китайцев в России с широким охватом проблематики осуществляются в Китае по всем ее периодам, начиная от первых контактов между двумя народами и до настоящего времени. Однако эти работы в основном недоступны для большинства российских исследователей, что является существенной преградой для повышения качества их публикаций. Для решения этой и многих других проблем, стоящих перед отечественными обществоведами, занимающимися прошлым и настоящим китайцев в России, предлагается создать Общество изучения китайцев в России.

Достоинно сожаления, что в работах китайских авторов за малым исключением совсем нет никаких указателей: ни именных, ни географических, ни тем более предметных. Это крайне затрудняет работу исследователей, особенно для кого китайский язык является иностранным.

Завершая обзор китайской историографии по истории китайцев в России, необходимо признать, что она достигла впечатляющих успехов. Зародившись в начале XVII в. и пережив немалые трудности, к настоящему времени она сформировалась в сильное самостоятельное направление исторических исследований. Значительно расширилась проблематика, постоянно укрепляется источниковая база, совершенствуются методология и методы научных изысканий. При этом нельзя не отметить факта, что численность китайских историков, занимающихся исследованиями проблем китайцев в Российской империи, быстро растет. Значительно расширилась география учреждений КНР, в которых осуществляются подобные исследования, хотя приоритет, по-видимому, принадлежит академиям общественных наук и университетам Северо-Восточного Китая. Новым направлением в китайской исторической науке стало изучение российской синологии в Китае. Одним из его руководителей является прекрасный знаток русского языка, профессор Нанькайского университета, переводчик целого ряда книг российских китаеведов Янь Годун⁶⁵. Благодаря этому китайские исследователи получают возможность лучше уяснить проблемы китайцев в России, в том числе и в период 1858—1917 гг. Это тем более важно, что резервы для преодоления расхождений во взглядах отечественных и китайских обществоведов на историю китайцев в Российской империи остаются достаточно большие.

Можно сказать, что в настоящее время китайская историография по истории китайцев в России переживает период расцвета и бурного развития, что характеризуется как большим количеством публикаций, так и их высоким научным уровнем.

- 1 Соловьев Ф.В. Китайская историография истории советского Дальнего Востока // История, археология и этнография народов Дальнего Востока: науч. докл. VIII Дальневост. конф. по проблемам ист. науки. Вып. 1. Владивосток, 1973. С. 41—48.
- 2 Он же. Китайское отходничество на Дальнем Востоке России в эпоху капитализма (1861—1917 гг.). М., 1989. С. 9.
- 3 Ларин А.Г. Китайцы в России вчера и сегодня: ист. очерк. М., 2003. С. 8.
- 4 Трофимов О.А. Российско-китайские отношения в Приамурье (середина XIX — начало XX в.). Благовещенск, 2003. С. 25—27.
- 5 Нестерова Е.И. Русская администрация и китайские мигранты на юге Дальнего Востока России (вторая половина XIX — начало XX вв.). Владивосток, 2004. С. 34.
- 6 Чхай. Шанхай: Шанхай цышу чубаньшэ, 1999. С. 935.
- 7 Васильев В.П. Открытие Китая. СПб., 1900. С. 97—99, 103. Цитируемую статью Васильев написал в 1862 г.— А.П.
- 8 Чжан Цзунхай. Юань дун дицуй шицизичжи цзяоды Чжун—Э гуаньси (Китайско-российские отношения на Дальнем Востоке на стыке веков). Харбин, 2000. С. 111. В данном случае приводятся данные из работы Цао Тинцзе под названием «Записки по изучению дороги в Хабаровку».
- 9 Ши Юйсинь. Бо хуан'янь чжицаочжэ. Гуаньюй чжун-су бяньцзедэ жогань вэньти (Производители путаной лжи: О насущных проблемах китайско-советской границы) // Лиши яньцзю. 1974. № 1. С. 113—128; Тянь Цисян, Тянь Жукан. «Синь тудида кайфацжэ», хайши жуцинь Чжунгоды цяндао? («Осваивающие новые земли», или вторгнувшиеся в Китай разбойники?) // Там же. С. 129—141; Чжун Миньянь. Лишиды цзяньчжэн (Расшифровка надписей на памятниках нурганьской кумирни Юннинсы эпохи Мин) // Там же. С. 142—157.
- 10 Ши Юйсинь. Цит. соч. С. 123.
- 11 Дипломатический словарь. В 2-х томах. Т. 2. / гл. ред. А.Я. Вышинский. М.: Гос изд-во полит. литературы, 1950. Стб. 346. Т. 1 под ред. А.Я. Вышинского и С.А. Лозовского.
- 12 Дипломатический словарь. В 3-х томах. Гл. ред. А.А. Громыко, С.А. Голунский, В.М. Хвостов. Т. 3. М.: Изд-во полит. литературы, 1964.
- 13 Ша Э цинь Хуа ши (История агрессии царской России в Китае). Шанхай: Шанхай жэньминь чубаньшэ, 1975. С. 350—351.
- 14 Цит. по: Петров А.И. История китайцев в России. 1856—1917 годы. СПб., 2003. С. 337—338.
- 15 Ша Э цинь Хуа ши. С. 531.
- 16 Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. Пер. с англ. 2-е изд. М.: Междунар. отношения, 1991. С. 113.
- 17 Ша Э цинь Хуа ши цзяньбянь (Компильтивная история агрессии царской России в Китае). Цзилинь: Цзилинь жэньминь чубаньшэ, 1976. 376 с.
- 18 Сюэ юй ходы лиши. Ша Э бачжань вого цзяндун люшисы туньды баосин (История крови и огня. Бесчинства царской России при занятии наших 64 восточнорбережных деревень). Пекин, 1977. С. 14, 17—18 и др.
- 19 Цит. по: Ван Хуйянь, Ван Шуцзюнь. Лунь дан Чжунго чжэнчжисюэдэ фачжань (О развитии политологии современного Китая) // Цзе шэхуй чжи хо. Цзунхэ цзюань. (Обсуждая узкие места развития общества. Комбинированный том). Чанчунь: Цзилинь жэньминь чубаньшэ, 2004. С. 16.
- 20 Сулянь дунбу дицуй кайфацэ хуйгу юй чжаньван. Сиболиа кайфа сыбаи нянь (Ретроспективный взгляд на освоение восточных регионов СССР и виды на будущее: 400 лет освоения Сибири) / под ред. Сюй Цзинсюэ. Чанчунь, 1987. 440 с.; Сиболиа ши (История Сибири) / под ред. Сюй Цзинсюэ. Харбин, 1991. 656 с.
- 21 Ихэтуань даньян шиляо (Архивные материалы по истории ихэтуаней). В 2-х томах. Пекин, 1978; Цин дай Хэйлунцзян лиши даньянь сюаньбянь (Архивный сборник по истории провинции Хэйлунцзян периода эпохи Цин). Харбин, 1986 и др.
- 22 Ша Э бачжань Цзяндун люшисы туньдэ цяньяньхоухоу. Цишисань вэй лаожэнь фанвэньцзи (До и после захвата царской Россией 64 поселков Цзяндуна. Опрос 73 стариков) // Сюэси юй таньсо. 1979. № 1. С. 69, 71—72.
- 23 Лю Цзялэй. Эрши шицизи ша Э цзай Хайшэньвэй похай хуацяодэ баоли (Бесчинства царской России по преследованию китайцев во Владивостоке в XX в.) // Шэхуй кэсюэ чжаньсянь. Чанчунь, 1980. № 3. С. 164—167.
- 24 Ли Гуан. Айго кан-эды шу Хэйлунцзян цзянцзюнь Шоу Шань (Хэйлунцзянский цзянцзюнь Шоу Шань в патриотической борьбе против России) // Бэйфан луньцун. 1980. № 2. С. 112.
- 25 Ли Синшэнь. Ду «Шоу цзянцзюнь цзя чуань» (Читая «Жизнеописание семьи цзянцзюня Шоу») // Бэйфан луньцун. 1980. № 2. С. 103.
- 26 Ли Цзикуй. Чжунго цюйчжу мохэ ша Э цинь фэйдэ доучжэн (Борьба Китая по изгнанию с Мохэ бандитов царской России, занимающихся добычей золота) // Сюэси юй таньсо. 1980. № 2. С. 129, 133, 135.
- 27 Ша Э юй Дун-Бэй (Царская России и Северо-Восток). Чанчунь, 1985. С. 234.
- 28 Там же. С. 163, 230.
- 29 Там же. С. 240, 252—255.
- 30 Там же. С. 565—566.
- 31 Цюй Цунгуй. Дун-Бэй цзиньдай цзечудэ юй циецзя Ли Цзиньюн (Выдающийся патриот и предприниматель Северо-Востока Китая нового времени Ли Цзиньюн) // Бэйфан Луньцун. 1986. № 3. С. 74.

- ³² Хэйлунцзян цзиньдай лиши даши цзи. 1840—1949 (Хроника крупных событий в истории Хэйлунцзяна нового времени. 1840—1949 гг.). Харбин, 1987. С. 85.
- ³³ Ван Эньвэй. Юаньюй эюйды ханьюй вайлайцы (Китайские слова, заимствованные из русского языка) // Дунбэй ши да сюэбао. 1987. № 5. С. 92—93.
- ³⁴ Ли Юнчан. Люй Э хуагун юй шиюэ гэмин (Китайские рабочие в России и Октябрьская революция). Шицзячжуан, 1988. С. 2—3, 8, 12—13, 16.
- ³⁵ Там же. С. 82.
- ³⁶ Там же. С. 239.
- ³⁷ Там же. С. 33.
- ³⁸ Там же. С. 240.
- ³⁹ Там же. С. 233.
- ⁴⁰ Там же. С. 174.
- ⁴¹ Там же. С. С. 48—49.
- ⁴² Там же. С. 37—38.
- ⁴³ Там же. С. 213—214. О Сунь Цзиу см. также: Коваль Г.Ф. Партизан Син Ди-у: (Из воспоминаний о гражданской войне) // Сов. китаеведение. 1958. № 4. С. 210—219.
- ⁴⁴ Там же. С. 156—157.
- ⁴⁵ Там же. С. 250.
- ⁴⁶ Там же. С. 236—237.
- ⁴⁷ Там же. С. 238—239.
- ⁴⁸ Ван Шаопин. Чжун-Э Цякэту мао' и (Кяхтинская торговля между Китаем и Россией) // Шэхуй кэсюэ чжаньсянь. 1990. № 3. С. 182—183.
- ⁴⁹ Сюй Шуцю, Сюэ Юншэн. Сиболия хуацяо као (Сибирские испытания хуацяо) // Люй Э хуацяо ши ляо сюань. Хэйхэ вэнь ши цзыляо диба цзи (Сборник материалов по истории китайцев в России. Вып. 8: Материалы по истории и культуре г. Хэйхэ). Хэйхэ, 1991. С. 11; Сюэ Юншэн. Лун цзай тьянь я (Дракон на краю света) // Там же. С. 15.
- ⁵⁰ Сюй Шуцю, Сюэ Юншэн. Цит. соч. С. 4.
- ⁵¹ Сюэ Юншэн. Цит. соч. С. 15.
- ⁵² Чжан Чжэньбяо. Чжанши цзяцзу цзинци цзай Хэйхэ Хайланьпао (Хозяйственная деятельность Чжанов в Хэйхэ и Благовещенске) // Там же. С. 91.
- ⁵³ Чжун-Су цзинци мао'и ши (История торгово-экономических отношений между Китаем и Советским Союзом). Харбин: Хэйлунцзян жэньминь чубаньшэ, 1992. С. 17—18, 100, 104, 207. Книга написана следующими авторами: Сю Фэнлинь (главы 1—4), Го Вэньшэнь (5—6), Чжан Цзунхай (7—8), Ян Юйлинь (9—10) и Хуан Динтянь (11—12).
- ⁵⁴ Дун Чанжи, Чжан Шэнькуань, Ли Шуяо. Чжунхуа кайфан цянго цэ. Чжунго лидай цзинмао чжэньцэ яньцзю (Политика открытости в укреплении Китая: исследование по торгово-экономической политике Китая в различные эпохи). Далинь, 1992. С. 95—96.
- ⁵⁵ Чжан Чжицян. Циндай Цзилинь-шэн дуй Тумэньцзян коуаньдэ кайфа (Освоение устья р. Тумэньцзяна провинции Цзилинь в эпоху Цин) // Шэхуй кэсюэ чжаньсянь. 1992. № 2. С. 206—210.
- ⁵⁶ Хэйлунцзян шаошу миньцзу ши (Краткая история малых народов Хэйлунцзяна). Пекин, 1993. С. 215.
- ⁵⁷ Л. Юаньту. Гуаньюй лиши шаньдэ Чжун-Э бяньцзе «Е» цзы бяньцзедэ каоча (Историческое исследование о пограничном столбе с литерой «Е» на китайско-русской границе) // Шэхуй кэсюэ чжаньсянь. 1994. № 5. С. 171.
- ⁵⁸ Дуань Гуанда, Цзи Фэнхуй. Дунфан чжэньчжу — Хаэрбинь (Жемчужина Востока — Харбин). Харбин, 1998. С. 72—73.
- ⁵⁹ Чэн Мэйсю. Цин дай шаньдунжэнь цзай Дун-Бэй цзиншан шулюэ (Краткий обзор деятельности шаньдунцев в торговле и промышленности Северо-Востока в эпоху Цин) // Бэйфан Луньшун. 1995. № 6. С. 41.
- ⁶⁰ Го Вэньшэнь. Чжун-Э ча е маои ши (История китайско-русской чайной торговли). Харбин, 1995. С. 158—159.
- ⁶¹ Машибисянли. Юаньдун гоци гуаньси ши (История международных отношений на Дальнем Востоке). Пер. с англ. яз. Шанхай, 1998. С. 256.
- ⁶² Хуан Динтянь. Чжун-Э цзинци юй вэньхуа цзяолю ши яньцзю (Исследование по истории экономического и культурного обмена между Россией и Китаем), Харбин, 1999. С. 82.
- ⁶³ Лю Банхоу. Ибалуи нянь хоу цин чжэнфу цзай Хэйлунцзян цзо аньдэ сюньбянь ходун (Деятельность цинского правительства по инспекции границы на левом берегу Амура после 1861 г.) // Бэйфан Луньшун. 1980. № 3. С. 103, 104—105.
- ⁶⁴ Су Фэнлинь. Цзаоци Чжун-Э гуаньси ши яньцзю (Исследование по ранней истории китайско-российских отношений). Харбин, 1999. С. 99, 178.
- ⁶⁵ Чжан Цзунхай. Юань Дун дицхой шицзичжи цзяоды Чжун-Э гуаньси (Китайско-российские отношения на Дальнем Востоке на стыке веков). Харбин, 2000. С. 14—15, 92, 187.

SUMMARY: “Chinese Historiography of the Chinese in the Tsarist Russia” is examined in the article written by Candidate of Historical Sciences A. Petrov. There are reviewed the basic works of Chinese scholars on the subject.